

● ● ●
В глухой полночный час начну сухой отсчёт,
И стрелка поплывёт, съедая круг за кругом,
А время мимо нас с ухмылкой потечёт,
Закрутится в спираль в движении упругом.

Четыреста кругов мятущейся души
В гнетущей тишине взбесившегося мира...
А маятник Фуко по-прежнему блажит,
Что вертится Земля и не умолкла лира.

Четыреста кругов. И ночи ломкий диск,
Пунктиром фонарей раскрытый на части,
Раскрошится легко. Пусть не оправдан риск,
Дыхание быстрее, и сердце бьётся часто.

Холодное лето

Холодное лето при смене эпох.
Что мне принесёт твоя зябкая вата?
Я прячусь от ветра в полуденный стог
И с ним же сгораю в пожаре заката.

Холодное лето водой дождевой
Размоет следы на ночном пепелище.
В час волчий в тумане пронзительный вой—
То северный ветер всё рыщет и свищет.

Холодное лето. Куда ты? Куда?
Какими краями ты гонишь столетья?
А небо с землёю сшивает вода
И хлещет по спинам хозяйскою плетью.

Ямщик

Постой, ямщик, попривержи лошадок.
Разгонных нам уже не подадут.
Беспечный миг свободы в жизни краток.
Не торопись, постой немного тут.

Четвёртый ям остался за спиною,
Маячит пятый где-то, погляди.
Потерян счёт друзьям, что не со мною.
А сколько потеряю впереди?

Конечный пункт не вписан в подорожной,
И подорожной нет как таковой.
И по пути всё думаю тревожно:
«Кому сказать спасибо, что живой?»

Таволга

Телефонные звонки нас тянут за руки,
Не дают минуту вместе помолчать
Наши мысли о себе в формате «гариков»,
За цинизмом— одиночества печать.

Никому мы не должны, хоть всем обещаны.
Отношений странных смазанный офорт.
Разбежались по лицу издёвок трещины,
И упрямство вызывает дискомфорт.

Добрым словом мир спасать уже не принято.
Разговоры о хорошем не с руки.
А на небе молоко как будто вылитое,
На ветвях опушки снежные легки.

Затеряться б в этой сказке хоть ненадолго,
Позабывать про телефонные звонки.
За окошком спит под снегом кустик таволги,
И возможно всё сомненьям вопреки.

● ● ●
Будет день не такой, как все,
Будет самый счастливый день.
Солнце белкою в колесе
Разгонять будет тень и лень,

Постучится в окно лучом,
Заведёт долгий разговор,
И совсем вроде ни о чём—
Каждодневный обычный спор:

О судьбе, о добре и зле,
О красе бытовых забот,
О земле, о печной золе
И о счастье бегущих вод.

А потом за окном моим
Заиграет заката медь,
Будет небо вплетаться в дым,
Будут листьев костры гореть.

Я над городом закружу,
Стану тоже вплетаться в дым...
А потом сам себя спрошу:
«Не устал ли быть молодым?»

● ● ●
Ощущенье весла в заскорузлой сведённой руке
Да предчувствие света вдали — вот и вся недолга.
Я на жалкой лодчонке спую по великой реке,
Как стежками сшивая разорванные берега.

Ощущенье того, что живу эту жизнь не с нуля.
Вот и искорки света на волнах привычно рябят.
Это было уже: приходилась мне домом Земля.
И тогда, и теперь изменить можно только себя.

Изменить можно только себе, и иначе — никак.
Остальное — лишь следствие внутренних дряг и тревог.
Я мечусь по реке, ошалевший от света чудак,
И с улыбкой за мной наблюдает неведомый Бог.

Мой мим

Мой грустный мим с задумчивым лицом,
Исхлёстанным дождями и тревогой,
Надеждами земными и дорогой,
В которой безопасней быть глупцом.

Мой грустный мим, как много мимо нас
Промчалось лиц, сомнений и забвений,
Которые, как смена поколений,
Пребольно бьют, да в сердце, а не в глаз.

Мой грустный мим. Всё реже через грим
Мы выдаём естественность реакций,
Как поиск ежечасных сатисфакций
За мир души, растоптанный, как Рим.

Мой грустный мим. Храни себя, храни
Сквозь практицизм понятий и теорий,
Сквозь абсолютность жёстких категорий.
Мой грустный мим. Храни себя, храни.

Дорожная зарисовка

Серое разлито молоко.
Звуки глуше, запахи острее.
Не понять: в каком ты из веков?
Чья орда — Мамаю или Гирея?

Чьи копыта рвут вдали поля,
Укрываясь пологом тумана?
Приглядишься — гривы ковыля
Стелются полосками обмана.

Конский топот и гортанный грай
В ста шагах от федеральной трассы.
Век любой навскидку выбирай —
И айда туда, вперёд, под насыпь.

Грудью в грудь, не посраим, как встарь...
И плевать, что голова в дурмане...

М4 «Дон». Туман. Февраль.
Ну какие, к чёрту, басурмане?..

● ● ●
Разъезжен снег, разбита колея,
И в этой каше вязнут все потуги.
То нет седла, то не сыскать подпруги,
То норовит под хвост попасть шлея.

То память коротка, то долог путь
Тяжёлых мыслей о своих утратах.
То правых нет, то нету виноватых.
То не хватает мне совсем чуть-чуть.

Сугробы, в цвет несвежего белья,
Не позволяют жить самообманом.
В душе раздрай, и мелочь по карманам.
Разъезжен снег, разбита колея.

● ● ●
Сто первый день, сто первый километр.
Обыденность, обмыленность, кромешность,
Из всех щелей сквозящая неспешность
Да прошлой жизни потускневший фетр.

Растрчено, средь серого сукна,
Шальное серебро на ложки-вилки.
И кошка рыжая подобием копилки
Застыла, отвернувшись от окна.

Копанице

По дороге в село Копанице,
Всей душой захотев тишины,
Вдруг поймёшь, что не то в жизни ищешь
И что вещи другие важны.

Из уютного чрева машины
Выйдешь в смежную снежную даль.
В той дали глаз отыщет вершины,
На которые время не жаль.

Постоишь на ветру, на морозце,
Поглядишь на красу Дивных гор.
Там за тучкою прячется солнце,
В мыслях с ним заведёшь разговор.

Всё расскажешь о внутренней смуте
И о мире, что сходит с ума,
Как бездарно уходят минуты
И о том, что на сердце зима.

Солнце лучик покажет из тучи,
Напророчит душевный покой
И счастливый немислимый случай
И одарит тебя тишиной.

Тишину распахав по карманам,
Снова сядешь за руль. И вперёд —
Снова тешиться самообманом,
Что всё так, всё нормально идёт.